

94-4
2066

СОДЕРЖАНИЕ

Иванова А.А., Пухликов В.К. Пути русского философского самосознания.- М.: 1994.- 174 с.

Непосредственно продолжая работу "Становление русского философского самосознания", книга является второй, заключительной частью труда, посвящённого русскому философскому самосознанию.

© А.А.Иванова, В.К.Пухликов, 1994.

94-9610

405

Глава 1. Философские открытия Ф.М.Достоевского.....5

Глава 2. Место В.С.Соловьёва в истории русской философии.....38

Глава 3. Марксизм в России (Г.В.Плеханов и В.И.Ленин).....56

Глава 4. Социальный смысл русского космизма.....69

Глава 5. Философское самосознание как протест и самоутверждение личности (Философские искания Н.А.Бердяева и Л.Шестова).....75

Глава 6. Философское сознание как православное сознание (П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков).....96

Глава 7. Родина и революция в философском самосознании (В.В.Розанов, С.Л.Франк, И.А.Ильин).....113

Заключение158

Примечания.....163

Для Иванова
№ 2007 К

Глава 3. МАРКСИЗМ В РОССИИ (Г.В.Плеханов и В.И.Ленин)

В современном философском сознании России, на долю которого выпало искать истину о самом себе в трудных условиях происходящего социального переворота, немало метаний и эмоциональных всплесков. Они понятны: идеологизированное до недавних пор существование философии в стране, трудности самосохранения философского знания самого по себе без ранее обязательных идеологических подпорок, с одной стороны, а с другой стороны, несомненное влияние новой, по своей направленности противоположной идеологии, разнообразными средствами утверждающейся в жизни и также желающей видеть философию в числе своих служанок. Отсюда особый накал дискуссий и связанных с ним эмоций по поводу судьбы марксизма в России, по поводу наследия В.И.Ленина: ведь для ныне действующего поколения философов в нашей стране речь идет и о самих себе.

Почему марксизм столь успешно вошел в общественное сознание России и так прочно утвердился в нем, существенно изменив жизнь страны? С какими особенностями русского философского сознания он оказался связанным? Эти и многие другие вопросы будут предметом философского анализа еще долгие годы, но без ответа на них и сегодня нельзя выносить каких-либо суждений о русской философии. Как это часто бывает в истории, с годами эти ответы станут более объективными и верными. Однако полагаться на будущее нельзя, путь к истине требует ответов сегодня, включает в себя современные размышления.

Марксизм в России связывается прежде всего с именем Ленина, но если иметь в виду философию, то это несправедливо, потому что был в русском марксизме и Плеханов. Были, конечно, и другие деятели, но эти две фигуры ключевые. Причем Ленин, вначале учившийся по работам Плеханова, быстро сравнялся с ним, а затем и обогнал по своему значению. И Плеханов, и Ленин приняли марксизм безоговорочно, оба боролись с одними и теми же теоретическими противниками: народничеством, легальным марксизмом, эмпириокритицизмом, различного рода идеализмом. Их философские оценки наиболее значимых для них представителей домарксистской философии - Гегеля, Фейербаха, Льва, Беркли, французских энциклопедистов - также схожи между собой. Это невозможно не учитывать при ответе на поставленные выше вопро-

сы и при анализе философских взглядов самого Ленина.

Русская марксистская философия выросла в нашей стране на отечественной почве и явилась наиболее ярким и последовательным продолжением учения Маркса (а о Ленине можно добавить - не только продолжением, но и развитием). Можно даже предположить, что Маркс в тех ситуациях, в которых находился Ленин, говорил и действовал бы по сути так же. В этом нет никакой мистики: просто принципы марксова мирозерцания были приняты Лениным с небывалой в истории философии цельностью и проводились весьма последовательно. Так писали о Ленине в нашей стране в годы советской власти и, на наш взгляд, были правы. Ленин был убежден, что возникновение марксизма произвело коренное изменение сущности философского знания. Действительно, совершенно иначе, чем это было принято до тех пор в философии, стали рассматриваться предмет и назначение философии и соотношение философии и жизни, изменены были трактовки многих философских категорий, философский статус приобрели новые понятия, а некоторые из традиционных, например, душа, трансцендентность, иррациональность были изгнаны из философского обихода. Вся прошлая философия оценивалась исключительно с позиций новых принципов, которые были объявлены единственно научными, и тем самым была возведена непроходимая стена между прежней философией как ненаучной и марксистской, объявленной синонимом науки. Причем это относилось даже к тем философским учениям, которые самими же основоположниками марксизма объявлялись идейными источниками новых взглядов. Во многом это объяснялось действительным несовпадением принципов философствования. Марксизм на самом деле в ряде аспектов стал "другой" философией. И Плеханов, как и Ленин, понял это как никто иной из современников и без оговорок принял эту идею. Он писал: "Предыдущая история общественной науки и философии накопила "целый Монблан" противоречий, настоятельно требовавших своего разрешения. Маркс и разрешил их с помощью теории, которая, подобна теории Дарвина, состоит из "нескольких обобщающих, теснейшим образом связанных между собой идей". ... Марксу нужно было не нагромождать горы собранного его предшественниками фактического материала, а, пользуясь, между прочим, и этим материалом, приступить к изучению действительной истории человечества с новой точки зрения"¹. И Ленин, также как и Плеханов, сравнивая Маркса с Дарвином, писал, что

значение философии Маркса состоит в том, "чтобы указать "единственно научный"... прием объяснения истории"².

И Плеханов, и Ленин прекрасно понимали, что любая философия как теоретическая концепция не возникает на пустом месте, поэтому они обращали особое внимание на поиски "теоретических предпосылок" марксистской философии, выделяя в истории предшествующей философской мысли именно то, что могло рассматриваться в качестве таковых. Вместе с тем ими прилагались большие усилия, чтобы показать качественное отличие философского учения марксизма от всех других. И Плеханов, и Ленин понимали также, что философию нельзя свести к нескольким неизменным положениям; для того, чтобы служить руководством к действию, она должна быть достаточно гибкой, давать возможность приспособляться к быстро меняющимся условиям политической борьбы. Отсюда их упор на то, что марксизм - развивающееся, творческое по своей сути учение, отсюда же и постоянные декларации о необходимости борьбы с "догматизмом". "...Марксисты, - писал Ленин, - заимствует безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений"³. Собственным примером он показывал, как настойчивые заверения своей приверженности Учению, могут сочетаться с весьма неожиданными решениями, если этого требует обстановка. В этом отношении неоценимые услуги ему оказывал диалектический метод, который у Ленина стал сильно отличаться от традиционного в истории философии понимания диалектики. И Плеханов, и Ленин объявили главным достоинством марксизма материалистическое понимание общества, которое, как они считали, дает возможность стать над историей, управлять историческим процессом, а не быть слепым орудием исторической стихии. Плеханов ввел для обозначения философии марксизма термин "диалектический материализм", безоговорочно принятый впоследствии нашей официальной философией.

Главным достоинством диалектического материализма, по мнению и Плеханова, и Ленина, - была его рациональность, позволяющая не только объяснить мир, но и указать пути его полной перестройки, что позволяло раз и навсегда решить проблему места человека в этом мире, смысла его существования. Определив решающую роль экономических отношений в развитии общества, писал Плеханов, диалектический материализм впервые раскрыл подлинное назначение человека - сделать ра-

зумной общественную жизнь: "Диалектический материализм не ограничивает, подобно субъективизму, прав человеческого разума. Он знает, что права разума необъятны и неограниченны, как и его силы. Он говорит: все, что есть разумного в человеческой голове, т.е. все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности"⁴. И подчеркивал: "Диалектический материализм есть философия действия"⁵. Как теоретическое орудие в процессе практического преобразования действительности рассматривал диалектический материализм и Ленин. Поэтому он подчеркивал, что без теории тактики классовой борьбы пролетариата материализм Маркса являлся бы половинчатым и односторонним. Его же собственные философские положения о практической природе сознания ("Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его"⁶) дополнялись и конкретизировались пониманием марксизма как практически-революционного, преобразующего мир отношения к нему.

Ленин, однако, был лишен плехановского романтизма в оценке марксизма и всегда рассматривал его с позиций конкретных практических задач, требующих немедленного решения. Отсюда его акцент на единстве теории и метода в марксистской философии, которое он неоднократно подчеркивал. Можно сказать, что в отличие от Плеханова, идея единства теории и практики, активной роли философской теории в преобразовании социальной реальности, идея непосредственного вторжения философии в реалии общественной жизни стала для Ленина центральной. В ее осуществлении он шел двояким путем: теоретически-философским, видоизменяя философские идеи марксизма, придавая им необходимую для практических решений завершенность и политическим, внимательным образом следя за всеми разнообразными поворотами практической жизни России, прежде всего политической борьбы в ней.

Что же на самом деле произошло в философии с появлением марксизма и его развитием на русской почве? Не претендуя на всестороннее исследование этой проблемы, мы отметим то, что для нас представляется самым существенным.

В числе наиболее важных положений заметим, что в философии марксизма наиболее последовательно была проведена та идея рационализма, которая была свойственна Гегелю и французским материалистам XVIII в.

В учениях этих философов прогресс, понимаемый как неограниченный поступательный ход истории, связывается с представлением о воплощении в ней разума, как объективного (в виде познанных ее законов), так и субъективного (в виде идеала исторических субъектов). Уже у Гегеля понятие научности философии приобрело основополагающий смысл. Устранение неразумности бытия, с его точки зрения, — это постижение объективной логики исторического процесса. Вся его философия в конечном счете является раскрытием всеобщей разумности как бытия, так и его познания. Смятению философского духа, так или иначе проявлявшемуся при решении сложных проблем человеческого существования ввиду обнаружения эфемерности найденных ответов на вечные вопросы, Гегель противопоставил свое убеждение в конечной разумности мира в целом, человеческой истории, процесса познания, находя разумные основания для всего происходящего, в том числе и для догматизма, субъективизма, агностицизма. Отстраненно величественно он взирал на мир, уверовав в окончательность найденной им истины.

Приняв рационализм Гегеля, Маркс и Энгельс главной задачей сделали практическое изменение этого рационального, но далеко не совершенного мира. Панлогизм Гегеля они легко приспособили для своих целей. Провозглашенная Гегелем идея закономерного и необходимого развития действительности осталась, но была перенесена в сферу экономического, хозяйственного развития. Тем самым идея Гегеля перестала быть абстрактной, приобрела конкретный вид и утилитарное значение: история стала пониматься как процесс закономерной смены одной общественно-экономической формации другой с обязательным завершением в виде социалистического общества, приход которого можно существенно ускорить путем социальной революции. Сама же социальная революция стала рассматриваться как высшая форма сознательного творчества людей.

У русских последователей Маркса по мере развития и усвоения марксовской концепции ее политическая сторона стала занимать все более доминирующее положение. Философские рассуждения, содержащиеся, скажем, в "Экономическо-философских рукописях 1844 г." были отодвинуты, а затем и отнесены к стадии формирования марксизма, получили название "ранних". Упор был сделан на политическую программу (не случайно первым зрелым произведением марксизма был объявлен "Коммунистический манифест") и было объявлено о создании качественно но-

вой философии. Эта философия не знала сомнений, не терпела неопределенности. Она не только упростила философский язык, но и объявила о принципиальной простоте считавшихся прежде непостижимыми экзистенциальных проблем человека. Эта философия стала философией для всех, тем самым появилась возможность массового приобщения людей к философии. Еще Плеханов, например, писал: "...В первый раз с тех пор, как наш мир существует и земля обращается вокруг солнца, происходит сближение науки с работниками: наука спешит на помощь трудящейся массе; трудящаяся масса опирается на выводы науки в своем сознательном движении"⁷. Положение Маркса о пролетариате, нашедшем свое теоретическое оружие в лице философии и философии, нашедшей своего носителя, стало основополагающим принципом. Философия Маркса, а затем и Ленина была объявлена мировоззрением пролетариата, теорией пролетарской революции и построения коммунизма. Различие между политической программой и философской теорией оказалось практически ликвидированным.

Материалистическое миропонимание, соединенное с политикой, открыто заявившее о выражении им вполне определенного классового интереса, неизбежно стало тяготеть к утилитаризму. Объявление вторичной сферы духовности привело к утрате ее ценности в жизни людей. В искусстве, в философии значимым стало то, что "служило делу пролетариата", что может быть использовано в работе единого механизма, имеющей целью построение коммунизма. Прикладным стало само понятие добра, т.е. нравственности, ибо критерием ее, как подчеркнул Ленин, стало то, что способствует делу освобождения пролетариата. Принцип партийности по существу ликвидировал понятие общечеловеческого. Неудивительно, что из философии исчезло и само понятие "человек", ведь еще Маркс писал, что его метод анализа предполагает исходным пунктом не человека, а общественно-экономический период⁸. Из философии диалектического материализма исчезла личность и в своем предметном, объектном смысле как область философского интереса, и в субъектном: философия диалектического материализма перестала иметь авторов, она имела только основоположников. Строго говоря, в рамках этой философии, действительно, все уже было сказано и развития быть не могло.

Все эти процессы, произошедшие в философии, понятны, если принять во внимание, что вопрос о практическом результате всех теоре-

тических изысканий, проще говоря вопрос о революции, был для Ленина, как и для Маркса, важнейшим. Ему был подчинен весь его ход мыслей. Философия же интересовала его лишь в той мере, в какой могла способствовать нахождению решений, ведущих к заветной цели. Вот почему так много внимания он уделяет диалектике. Являясь, по его мнению, аналогом сложности, изменчивости и многообразия мира, только она способна дать объективную оценку ситуации. Теория познания рассматривается им как практическое приложение диалектики, имеющее целью достижение истины. В этой связи большое внимание он уделяет проблеме соотношения относительной и абсолютной истины, проблеме объективности истины, проблеме практики как критерия истинности. Ленин был глубоким знатоком марксизма, в том числе и марксистской философии, что дало ему возможность в рамках диалектического материализма поставить целый ряд проблем, имеющих важное значение для понимания сути марксовских взглядов. Таково, например, его замечание о единстве, тождестве диалектики, логики и теории познания, замечание, в котором, пожалуй, с наибольшей яркостью нашел воплощение утилитарный характер, который приобрела философская "составная часть" марксистского учения. Впрочем утилитаризм пронизывает все отношение Ленина к философии, так или иначе проявляется в любом его анализе какой-либо сферы философского знания. Даже история философии, казалось бы совершенно не связанная с интересами сегодняшней политической борьбы, выступает как свидетельство его политических пристрастий, выражающихся в его оценках как отдельных мыслителей прошлого, так и целых направлений.

Но в любом случае нельзя не отметить интересную особенность его взглядов: все то, что он относил к другим философам, он не применял ни к себе, ни к своим учителям - Марксу и Энгельсу. Отсюда частые проявления философского экстремизма: идеализм у него лишь пустоцвет на живом древе познания, крайняя степень субъективизма, пусть даже интересного по содержанию, религия - величайшее и вреднейшее заблуждение, а вся глубина философских споров сводится к элементарной в общем-то борьбе материализма и идеализма.

Но, пожалуй, самым пагубным оказалось убеждение, что марксизм - единственное научное учение, в совокупности с тем положением, что, поскольку пролетариат занимает особое место среди всех других классов общества, партийность его идеологии совпадает с научностью. Оно

привело Ленина к фактическому отождествлению марксистской философии с абсолютной истиной. Абсолютизация каких-то положений, субъективизм, односторонность - все это так или иначе характеризовало любую философскую систему прошлого, но такой мысли не допускалось в отношении диалектического материализма. И хотя Ленин, как и Маркс, подвергал критике Гегеля за его философское высокомерие, за то, что тот, провозглашая бесконечность познания, свою систему объявлял истиной в последней инстанции, все же он не считал возможным весь тот набор требований, который он предъявлял немецкому философу, обратить к себе самому. А ведь по сравнению с диалектическим материализмом Гегель, пожалуй, был менее категоричен.

Поэтому марксистско-ленинскую философию постигла судьба любой философской системы: она не смогла стать истиной в последней инстанции и явилась учением (в границах ее же провозглашенных принципов - принципа материализма, принципа партийности, принципа всеобщей связи и развития), содержащим как истинные положения, так и заблуждения и ошибки. Как показала жизнь, претензия диалектического материализма на окончательное объяснение мира и завершение философских исканий, оказалась заблуждением. Повторяя за Энгельсом, что от прежней философии остается "учение о мышлении и его законах - формальная логика и диалектика"⁹, Ленин вступил в противоречие с развитием всей современной культуры.

Тем не менее нельзя не признать того, что в основе философских взглядов как Маркса, так и Ленина, лежат положения, которые отражают существенные стороны социальной реальности. Трудно что-либо возразить против того, что экономические отношения действительно играют чрезвычайно важную роль в общественной жизни, общественное сознание и в самом деле существенным образом зависит от практической деятельности людей, критерием истинности теоретических представлений людей о своей жизни в конечном счете выступает практика и время все расставляет по своим местам. Однако сведенные в единую систему эти положения оказались очередными абсолютизациями относительных истин, добытых в процессе самопознания человечества. Важная роль экономических отношений не снимает вопроса о влиянии на социальный процесс других сторон деятельности людей, зависимость общественных идей от интересов людей не может закрыть вопрос о человеческой духовности во всем ее богатстве, а то,

что практика подтверждает сегодня, вполне может быть опровергнуто ею же послезавтра. Жизнь оказалась гораздо сложнее теоретической системы взглядов, предложенной Марксом и Лениным. И хотя Ленин отметил у Гегеля как исключительно важное следующее заключение: "Познание истины полагается в том, чтобы познавать объект таким, каков он есть как объект, свободным от примеси субъективной рефлексии"¹⁰, несмотря на то, что он не раз подчеркивал, что жизнь богаче любых представлений о ней, тем не менее его собственные взгляды демонстрируют субъективизм, наиболее ярким воплощением которого является то, что критерием истинности взглядов его оппонентов на самом деле была для него не жизнь, а его собственные взгляды.

Заслуживает упоминания и тот факт, что теоретическая уязвимость философской концепции и Маркса, и Ленина была подмечена их современниками, однако все возражения они отменяли ссылкой на причастность своих идейных противников к эксплуататорским классам и буржуазной интеллигенции. А когда у Ленина появилась возможность насильственного устранения своих оппонентов, он незамедлительно этим воспользовался. Философский диалог не состоялся, наступил идеологический диктат.

Таким образом произошел процесс деформации философского сознания в целом: многообразие взглядов было заменено единой идейно-политической установкой, поиски и сомнения - безапелляционно изреченной истиной, главная черта русской философии, состоящая в объединении нравственного и рационального начал в философском образе мира и человека, уступила место требованию открытого подчинения и рациональности, и нравственности принципу политического утилитаризма, а извечные искания справедливости и добра в русской философии были объявлены ненаучными и уже в силу этого несостоятельными и им был противопоставлен идеал коммунизма в его строго регламентированном виде. Вопрос о судьбе России был решен, как казалось, раз и навсегда: ей выпала участь, пожертвовав собственными интересами, прокладывать для всего человечества путь к коммунизму. Философское самосознание в своей официальной форме было совершенно извращено: вместо того, чтобы быть живой духовной связью между прошлым, настоящим и будущим культуры, оно свелось к заучиванию строителями социализма и коммунизма спускаемых сверху указаний о политическом значении своей деятельности, да и са-

мой жизни, о своей роли в решении политических, идеологических и экономических задач. Тем самым философия утратила собственное философское содержание и была низведена на роль служанки политики, сиюминутные, ближайшие цели которой выдавались за задачи всемирно-исторического значения.

Поскольку главная цель марксистского учения - построение социализма или коммунизма мыслилась как цель тотальная, глобального масштаба, отречение от собственного отечества стало положением фундаментального значения, принципом этого извращенного философского самосознания. Но если малоценными становятся понятия отечества, семьи, человека, то и понятие духовности становится излишним и заменяется "научным мировоззрением" и политической преданностью.

Почему это стало возможным? С чем связан процесс изменения (и притом столь радикального) философии в России?

Одним из важнейших обстоятельств, имеющих отношение к ответу на эти вопросы, является то, что философия в России всегда была связана с идеей достижения справедливости. Проблема социальной справедливости в жизни любого общества занимает важное место. В XIX в. она чрезвычайно остро стояла в Европе; об этом свидетельствует идейная и политическая борьба, революции, произошедшие в целом ряде стран. Но в России были свои особенности, которые совпали с общей направленностью марксизма и умело были использованы его сторонниками.

Идея социальной справедливости в стране теснейшим образом переплеталась со стремлением найти прочные основы всеобщего счастья. Национальное сознание, как это ни парадоксально звучит, выходило за национальные рамки. Проблемы духовности и нравственности, решение которых мыслилось как обязательное условие всеобщего счастья, ставились как общечеловеческие проблемы. Стремление к общечеловеческости стало характерной чертой русского (в том числе и философского) самосознания. Если в западной философии глобальный характер философских проблем, всеобщность философского знания выражались главным образом через систему абстрактных, всеобщих по своему значению категорий, то в русской философии возникли специально разработанные понятия, такие, как "всечеловек", "всемир", "всеединство", "соборность", которые не только имели всеобщее значение, но и сим-

волизировали некую социальную устремленность, толкая тем самым к поискам вполне определенных путей воплощения идеалов в жизнь в форме "проектов", имеющих практическое звучание. Так, например, свой "проект" предложил Н.Ф. Федоров, свои "проекты" были у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. Однако у всех этих проектов был общий недостаток: их реализация если и возможна, то лишь в далеком будущем. В этом отношении социалистическая идея гораздо привлекательнее. Она, во-первых, сильно упрощает дело достижения социальной справедливости и всеобщего счастья (достаточно изменить социально-политические условия жизни людей), а во-вторых, значительно сокращает исторические сроки его свершения. Уже деятельность революционных демократов показала эти преимущества. К концу XIX - началу XX вв. в силу ряда особенностей исторического развития России в стране сформировались условия для объединения значительной массы населения на основе потребности в практическом изменении их положения и стремления к социальной справедливости. Процесс созревания почвы для революции и социалистической идеологии сопровождался, как это показали такие русские мыслители, как Достоевский, Розанов, Франк, Ильин, наступлением бездуховности, утратой сознания основополагающей роли нравственных ценностей. Россия теряла то, что для нее было жизненным устоем. Думается, что все это отразилось на процессе утверждения марксизма на русской почве. Но, конечно, столь же существенное, если еще не большее, значение имело то, что идеология марксизма стала государственной идеологией и осуществляла борьбу со своими противниками и критиками, опираясь на силу государственной власти. Причем идеологический контроль носил тотальный характер. В ход пускались все средства от фактического запрета на самостоятельные философские исследования до репрессий по отношению к несогласным. Так была насильственно прекращена собственно русская философская традиция, несовместимая с ленинизмом.

В послереволюционной России был задуман и планомерно происходил процесс насаждения всеобъемлющей идеологии, носящей официальный государственный характер. И надо сказать, что многое удалось осуществить и в больших масштабах. Была пересмотрена история страны и создана такая ее версия, которая "доказывала" неизбежный, закономерный характер нового строя и новой идеологии.

Была подвергнута тщательному анализу вся прошлая культура страны, отброшено все неподходящее и создан такой ее вариант, который находился в соответствии с господствующей идеологией. Что касается собственно философии, то были сформированы официальные требования или, лучше сказать, стандарты философского знания, которые включали в себя признание обязательной и безусловной истинности основных положений диалектического материализма и безусловной неистинности всех иных философских учений, в лучшем случае способных лишь содержать "рациональное зерно". В стандарт входило и неясное, но строго соблюдавшееся требование понимать развитие этой философии как конкретизаций тех положений, которые принадлежали основоположникам этой сверхнауки.

Конечно, при всем диктате официальной идеологии жизнь невозможно загнать в прокрустово ложе систем подобных диалектическому материализму. И если официальная философия превратилась в догматический набор неизменных тезисов, то были и такие философы, которые проявляли элементы самостоятельного мышления. Правда, переступать определенные границы не разрешалось никому.

В жизни людей, несмотря на широко рекламируемый "моральный кодекс строителя коммунизма", продолжали существовать общечеловеческие ценности. И при развитии социализма можно было столкнуться с душевными людьми, хотя и была доказана абсолютная ненаучность понятия "душа". Изгнанная из официальной культуры, духовность так или иначе проявлялась в делах и поступках людей.

Перед последствиями всех этих ушедших в прошлое, но продолжающих активно влиять на настоящее, событий стоит теперь раздираемая противоречиями философская мысль России. Разумеется, идеологизированная философия, монопольно господствовавшая в недавнем прошлом, теперь практически никому не нужна. Однако нельзя уйти от того, что она уже навсегда составляет часть нашего прошлого. Несомненно, нельзя говорить о развитии философии в нашей стране без глубокого освоения наследия русских философов XIX - начала XX вв. С другой стороны, столь же немислимо развитие философии без изучения опыта жизни страны в те десятилетия, благодаря которым и оказалась в забвении русская философская традиция. Та часть русской культуры, которая была сохранена эмиграцией, должна вернуться на родину и содействовать ее духовному возрождению. С другой

стороны, это возрождение не может состояться без участия в нем тех, кто на собственном опыте испытал своеобразие советского образа жизни, который ведь и в самом деле существовал и оказал на народное сознание огромное влияние.

Хочется верить, что пройдя историческую проверку на стойкость, получит дальнейшее развитие великая русская культура, в том числе и философское знание России о самой себе.

22. Там же. Т. I. С. 261
23. Там же. Т. I. С. 29
24. Там же. Т. I. С. 30
25. Там же. Т. I. С. 344
26. Там же. Т. I. С. 345
27. Там же. Т. I. С. 350
28. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1988. Т. 2. С. 533
29. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1989. Т. 2. С. 140
30. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1988. Т. I. С. 345
31. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1989. Т. 2. С. 20
32. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1988. Т. I. С. 347
33. Там же. Т. 2. С. 513
34. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1989. Т. 2. С. 21
35. Там же. Т. 2. С. 113
36. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1988. Т. I. С. 178
37. Там же. Т. I. С. 180
38. Там же. Т. I. С. 79
39. Там же. Т. I. С. 741
40. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1989. Т. I. С. 348
41. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т., 1988. Т. I. С. 723-724

К главе 3.

1. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. I. С. 678
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 144
3. Там же. Т. I. С. 197
4. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 692
5. Там же. Т. I. С. 692
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194
7. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. С. 694
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 386
9. Там же. Т. 26. С. 54
10. Там же. Т. 29. С. 167

К главе 4.

1. Федоров Ф. Н. Сочинения. М.: "Мысль", 1982. С. 429
2. Там же. С. 317
3. Там же. С. 204